

Глава 23. Любознательный

Цзян Тан долго стоял над той обугленной рыбой в нерешительности.

Хотя многое он, конечно, додумал сам, но если говорить честно, ситуация была примерно такая: вы только что с треском развелись, вышли из загса с свидетельством о разводе, уже собираетесь расходиться каждый своей дорогой, а бывший тут же подбегает и зовёт вас на шашлыки.

Причём в самое отвратительное место во всём городе, после которого ещё и живот скрутит.

Тут уже не поймёшь, то ли он хочет вернуть отношения, то ли тихонько тебя отравить.

Цзян Тан нехотя заставил себя подойти к рыбе поближе и осторожно принялся.

Мда. Она уже была прожарена на все двадцать степеней готовности. Он ещё никогда в жизни не чуял от жареной рыбы запаха горелого дерева. Тоже, конечно, опыт.

Он обернулся и посмотрел на Фу Линцзюня, который сидел на мече к нему спиной. Тот застыл как каменное изваяние и не шевелился. Если бы Цзян Тан сам чуть раньше не заметил, как тот украдкой на него поглядывает, то решил бы, что рыбу оставил вовсе не он.

Фу Линцзюнь молчал, повернувшись спиной, и Цзян Тану оставалось только смотреть, как ветер колышет его длинные волосы. И если уж совсем честно, зрелище было настолько завидное, что невольно навевало тоску. В прошлой жизни он ведь перепробовал не меньше десяти комплексов от выпадения волос.

Стоп. И с чего это он вообще завидует Фу Линцзюню? Пусть он и не успел как следует разглядеть себя в духовном облике, но там у него тоже были длинные, густые, гладкие волосы, которые укрывали его не хуже одежды. Если однажды он сумеет стать человеком, наверняка будет выглядеть так же, как его душа. У Фу Линцзюня ведь тоже духовный облик и настоящее лицо одинаковые.

Мысли Цзян Тана скакнули от «бывший хочет меня отравить» к «зато в этой жизни мне не грозит облысение», и настроение у него тут же резко улучшилось. На этом фоне даже обугленная рыба вдруг стала казаться не такой уж отвратительной.

Ну да, с виду кошмар, зато всё-таки Фу Линцзюнь сам её ему жарил, разве нет? Мужчины ведь бывают с характером. На словах говорит: хочешь ешь, хочешь нет, а сам потом тайком всё равно готовит.

Ладно уж, можно и потерпеть. Разок укусить, чтобы он видел. Всё-таки такую вещь, как мужская добродетель, тоже нужно понемногу воспитывать...

Он разодрал обугленную корочку.

Внутри оказались сырые внутренности. Кровавые, непрожаренные.

Цзян Тан: «...»

Белая лапка молниеносно отдёрнулась.

Покушение. Это точно покушение!

Каким же надо быть мастером, чтобы довести рыбу до состояния «снаружи в уголь, внутри сырая»? От такого блюда и в реанимацию можно по ускоренной дорожке уйти, не задерживаясь.

Цзян Тан долго смотрел на эту рыбу, а потом сухо сглотнул и едва заметно дёрнулся в немом позыве к рвоте.

Нет уж. Развод так развод. Какую тут ещё мужскую добродетель воспитывать.

Он с величайшим отвращением отодвинул рыбу в сторону, потом долго вытирал лапы о траву и листья. Только когда от них окончательно перестало пахнуть одновременно гарью и рыбой, он удовлетворённо забрался обратно в своё гнездо спать.

Это гнездо Сян Син соорудил для него заново. Он сплёл мягкие травы и размятые лозы в зелёный свод, а на дно уложил что-то вроде местного хлопка. Добывали его из растений, раздирали в пух и потом набивали внутрь. После этого спать стало куда мягче, и задницу больше не кололо.

Цзян Тан считал, что по уровню комфорта это гнездо ничуть не уступало дорогим лежанкам, которые он когда-то покупал своему коту. Только это ещё и ручная работа. Очень душевно.

Здоровяк порой оказывался неожиданно ловким. Например, когда строил гнездо или сажал цветы.

Да, Сян Син ещё и натаскал откуда-то много красивых цветочков и посадил их перед самым входом.

Теперь, просыпаясь, Цзян Тан первым делом видел перед собой маленький живой садик, залитый утренним светом, и чувствовал свежий запах травы. Цветы там в основном были бледно-фиолетовые, с золотистыми тычинками. Цвет мягкий, нежный. Аромат лёгкий и чистый, совсем не приторный. Даже сон от этого стал куда приятнее.

Цзян Тан был в полном восторге от этого крошечного, уютного домика, обустроенного под него. А потому очень быстро забыл про обугленный неопознанный объект у входа.

Две птички как раз пролетали мимо этого уютного гнезда и уже хотели было сесть неподалёку, но вдруг почувствовали странный запах и, захлопав крыльями, отпрянули подальше.

Одна круглая жёлто-зелёная пташка опасливо покосилась на лежащую на земле чёрную штуку, покрутила своими глазками-бусинками и вместе с подругой стремительно улетела прочь.

В долине Тяньбэй воцарился тихий, ленивый полдень.

Фу Линцзюнь долго слушал тишину и ждал. Когда из гнезда внизу наконец перестало доноситься хоть какое-то движение, он беззвучно повернулся обратно. Сделал вид, что просто так, мимоходом, глянул в сторону гнезда, — и тут его взгляд застыл.

Та рыба, которую он счёл самым удачным своим результатом, завершила свою полную унижений жизнь, распоротая и брошенная на листе.

Фу Линцзюнь поджал губы.

Ни о чём не подозревающий Цзян Тан во сне перевернулся на другой бок, сонно зевнул и продолжил своё ленивое погружение в сладкую дремоту.

Он по-прежнему наслаждался жизнью маленького паразитирующего бездельника: поел, поспал, проснулся, снова поел. И когда в следующий раз открыл глаза, от жареной рыбы вместе с листом уже не осталось и следа.

Наверное, Сян Син просто потом убрал мусор.

Весь следующий день Цзян Тан так ни разу и не увидел, чтобы Фу Линцзюнь спускался с меча.

Цзян Тан, солёная офисная рыба и профессиональный дармоед, уже успел вернуть себе ментальное состояние домашнего зверя.

Раньше этот большой босс и без того не слишком вмешивался в его глупые игры со здоровяком, так что теперь Цзян Тан просто сделал вид, что Фу Линцзюня не существует. Он продолжал свои ежедневные экскурсии по долине Тяньбэй, а заодно ввёл пару новых развлечений: гоняться за бабочками, ловить рыбу, валяться в грязи, а потом, перепачкавшись, ходить мыться в озеро возле развалин дворца.

В долине Тяньбэй уже всюду цвела весна. Куда ни посмотри — трава, цветы, сплошная живая

зелень. Всё вокруг было как на картине.

Белый пушистый комочек сидел на голове Сян Сина и с радостью рассматривал окружающий мир. Говорить он, конечно, не умел, но между ним и здоровяком уже сложилось какое-то почти товарищеское взаимопонимание. Стоило пару раз пискнуть или дёрнуть его за волосы, и Сян Син уже понимал, куда он хочет пойти и что собирается делать.

Один большой и один маленький носились по долине Тяньбэй, которая теперь стала прекрасна как сновидение. Сян Син даже водил его к той самой бывшей адской достопримечательности — в долину костей и призрачного огня. Но теперь там уже колыхалась густая зелёная трава, укрывшая прежние горы трупов и море крови. Всё это как будто получило новое рождение.

С приходом тепла вода в озере возле старого дворца тоже стала тёплой. Со дна тянулись мягкие зелёные водоросли, и от одного их вида у Цзян Тана уже поднималось настроение.

Будучи белым пушистым существом, которое пачкалось с поразительной лёгкостью, он особенно любил там купаться. В прошлой жизни он тонул бы в любой луже, но, превратившись в зверька, внезапно сам собой освоил собачий стиль. После каждого купания он выбирался на берег и шёл к Сян Сину тереться, чтобы тот развёл огонь и помог ему просушить шерсть.

Фу Линцзюнь, который был уверен, что его отстранили, хотя на деле он сам всех оттолкнул и теперь молча дулся, наконец в один из вечеров перехватил Сян Сина, когда те возвращались.

— Где вы всё это время играли? — спросил он.

У Сян Сина голова не была устроена для сложных обходных путей, так что он просто честно выложил всё подряд — и что делали, и где были, и что показалось им интересным.

— Сяо Бай. Любит. Бабочек.

— Сяо Бай. Любит. Смотреть. Рыбу.

— Сяо Бай. Любит. Купаться.

— Сяо Бай. Любит. Грязь.

Когда Фу Линцзюнь в который уже раз услышал «Сяо Бай любит», губы у него сжимались всё сильнее. Наконец он не выдержал и перебил:

— Откуда ты вообще это знаешь?

Слова зверька всегда были лишь бессмысленным «у-и-и» да тихим ворчанием. По душе видно, что он радуется, а ведёт себя так, будто сердится. Более того, теперь он ещё и прячется от него весь день и больше не липнет. Так откуда же Сян Син всякий раз знает, что именно нравится

этому пушистому комочку?

Председатель ассоциации любителей мелких зверушек Сян Син этим вопросом был поставлен в тупик.

Что значит — откуда знает? Разве не видно? Чего Сяо Бай хочет и что любит, ведь буквально написано у него на морде. Разве для этого нужно спрашивать?

Но честный здоровяк всё же серьёзно задумался и потом ответил:

— Сяо Бай. Сам. Сказал.

Фу Линцзюнь нахмурился ещё сильнее.

— И что ещё ему нравится?

Радостный маленький холм довольно протянул руку:

— Сяо Бай. Любит. Целовать. Меня.

Каждый раз, когда Сяо Бай сидел у него на ладони и у него чесались зубы, он начинал жевать его пальцы. Конечно, молочные зубы маленького зверька не могли даже поцарапать жёсткую кожу Сян Сина, и потому такие укусы ему очень нравились.

Лицо Фу Линцзюня мгновенно помрачнело.

Он медленно прижал языком задние зубы, резко развернулся и, подняв порыв ветра, почти в один миг оказался у гнезда.

Цзян Тан уже давно выработал у себя звериную привычку вылизывать шерсть. Сейчас он как раз свернулся клубком и с большим старанием вылизывал себя, когда перед ним вдруг вырос человек, да ещё и ногой задел один из цветков у входа в его гнездо.

Пушистый комочек тут же подскочил и яростно упёрся лапами в сапог Фу Линцзюня. Его цветок! Его садик у домика! Ну-ка немедленно убрал ногу!

И в глазах Фу Линцзюня это выглядело так: пушистый зверёк до крайности его не хочет и прямо сейчас пытается прогнать.

Фу Линцзюнь: «...»

Он с мрачным лицом всё же убрал ногу чуть назад. И в ту же секунду комочек, который вроде как всячески от него шарахался, тут же подбежал, осторожно лапками поправил наклонившийся цветок и с облегчением выдохнул.

Ну хоть не сломался.

Цзян Тан мысленно ругался без остановки. С тех пор как появился Фу Линцзюнь, ничего хорошего от него не бывало. Только он уже собрался вернуться в гнездо и продолжить вылизывать шерсть, как перед мордой снова появился длинный палец.

— Поцелуй, — сказал Фу Линцзюнь.

Цзян Тан: ???

То есть если он сказал, то он должен сразу целовать? А где уважение к его достоинству?

Облачный пушистый хвост с силой хлестнул по этой руке, а сам комочек шмыгнул в самую глубину гнезда и отвернулся от него своим подпалённым маленьким задом.

ТЬфу! Подлец! Ещё пусть сперва спросит себя, достоин ли вообще!

Пальцы, по которым скользнула пушистая шерсть, ещё долго странно покалывало.

Это было совсем не то щекотное ощущение, что оставалось после укусов и поцелуев зверька. И не то влажное тепло, что после его облизываний. Это было что-то другое — пустота, нехватка, неутолённость. Покалывание тянулось от пальца всё дальше и наконец добралось до самого сердца.

В сердце Фу Линцзюня поселилось новое существо по имени Жажда, но оно пока не было готово показать ему своё истинное лицо.

Он посмотрел на свернувшегося на белой мягкой подстилке комочка и молча отступил на шаг. Опустил взгляд — тот самый смятый им бледно-фиолетовый цветочек всё ещё грустно висел, понурился голову.

Фу Линцзюнь с холодным лицом развернулся и ушёл. Сделал несколько шагов, потом всё-таки с кончиков пальцев у него скользнул золотой свет, превратился в тонкую искру и упал на цветок.

Бледно-фиолетовый венчик тут же поднял голову и качнулся под мягким ветром.

Ночь.

Во вновь ожившей долине Тяньбэй медленно летали зелёные огоньки.

Светлячки то садились на молодую траву, то прятались в цветах, а потом, испуганные шорохом невидимого жучка под листьями, снова вспархивали и разлетались по сторонам.

Будто вся звёздная река перевернулась и вылилась на эту тихую землю. Казалось, ещё немного — и звёзды польются через край.

Текущее звёздное море становилось всё смелее.

Один светлячок с натугой поднялся повыше, долетел до чёрного тяжёлого меча, сел на самый кончик и издали взглянул на Фу Линцзюня, а потом, словно маленькая падающая звезда, тут же сорвался вниз.

— Ты летал смотреть на злого духа? — один светлячок, задрав голову, удивлённо смотрел на своего смелого товарища. — И тебе не страшно?

Отважный светлячок медленно спустился вниз:

— Нет. Мне нравится его запах.

— Что? Что?

— Тебе нравится запах злого духа?!

К ним тут же слетелись ещё несколько светлячков.

Тот светлячок мерцал всё ярче и ярче:

— Просто того другого злой дух окружил со всех сторон. А у этого одинаковый запах. Я не смог добраться до того и пошёл к этому.

Тянуться к мягкому и хорошему — это ведь естественный инстинкт любого живого существа. Но сейчас этот инстинкт был перекрыт большим здоровяком, который сидел у гнезда Цзян Тана и охранял подход. Так что оставалось только выбрать второе лучшее — Фу Линцзюня, на котором теперь тоже лежал запах Цзян Тана.

Фу Линцзюнь заметил того смельчака ещё в тот момент, когда тот только подлетел к мечу.

Долину Тяньбэй окутывали души всех несправедливо погибших. Они оплетали Фу Линцзюня с головы до ног, и любое живое существо всегда шарахалось от него. Но с некоторых пор всё стало иначе.

Хрупкие, любопытные создания начали к нему приближаться. Иногда даже без малейшего стеснения садились ему на плечо или в волосы. Он не понимал, почему это происходит, и всё никак не мог уловить источник этой перемены.

Бледные пальцы без конца постукивали по лезвию меча, высекая лёгкий, тонкий звон. Весь день он не мог успокоиться. И вот наконец беззвучно спустился с меча и медленно пошёл к ручью.

Ловкая серебряная рыбка влетела ему прямо в ладонь, а через миг уже была мертва.

Чем лучше продукт, тем проще должна быть готовка.

Сосредоточенный повар глубоко вдохнул, и на бледных пальцах тут же вспыхнуло бледно-фиолетовое громовое пламя. Он протянул руку, положил на него рыбу и очень тщательно попытался отрегулировать жар. Рыба перевернулась в воздухе пару раз — и сразу же запахла горелым.

С шипением на ладонь ему плюхнулась угольно-чёрная непонятная масса.

Фу Линцзюнь долго смотрел на эту чёрную вещь, а потом тут же сжёг её дотла громовым пламенем.

Он подряд выловил ещё несколько рыб — и ни одна не избежала той же участи. Фу Линцзюнь прищурился, глубоко вдохнул и молча обратил все провальные экземпляры в пепел, после чего собрался было уйти.

Но стоило ему обернуться, как оказалось, что где-то позади уже давно стоял Сян Син и тупо смотрел на всё это.

Фу Линцзюнь: «...»

Он, конечно, не считал, будто делает что-то особенное. Но именно сейчас видеть Сян Сина ему почему-то совершенно не хотелось.

Туповатый здоровяк, разумеется, не умел читать настроение по лицу. Он с искренней заботой посмотрел на руку Фу Линцзюня, которая успела угробить уже неизвестно сколько серебряных рыб, и спросил:

— Хозяин. Хочет. Жареную рыбу?

Смотрел он при этом так внимательно и так участливо, что Фу Линцзюнь даже немного смутился.

Он опустил голову и с холодным достоинством поправил складки на рукаве.

— Да.

И тут же услышал, как Сян Син, гремя цепями, подошёл ближе. Две мощные руки у него неловко сцепились перед собой.

— Хозяин. Сян Син. Попробует.

Фу Линцзюнь ничего не сказал.

Спустя паузу, чуть более сухо, чем хотел, спросил:

— Ты умеешь?

Но едва эти слова сорвались с губ, как обычно неуклюжий здоровяк с поразительной быстротой натаскал сухих веток, свалил их в кучу и в мгновение ока развёл красивый костёр.

Это умение он как раз и отточил за то время, пока каждый раз сушил шерсть Сяо Бая после грязи и купаний.

— Сян Син. Не умеет. Ловить рыбу. Хозяин. Помоги.

Фу Линцзюнь сам не понял, зачем вообще согласился, но всё-таки выудил из ручья маленькую серебристую рыбку длиной с палец и передал её.

Сян Син несколько раз широко шагнул к воде, когтем располосовал живот рыбе, вымыл внутренности, вернулся к костру и нанизал её на тонкую веточку. Потом не стал подносить слишком близко к огню и начал жарить её в стороне от самого пламени, где был только ровный жар.

Серебристая рыбка медленно поворачивалась, равномерно прогревалась, и вскоре на коже начал выступать жир. Поверхность стала золотистой и аппетитной. В руках Фу Линцзюня рыба неизменно превращалась в горелый кошмар, а в руках Сян Сина вдруг начала пахнуть настоящим мясом.

Фу Линцзюнь сразу уловил разницу. Взгляд у него постепенно стал серьёзным.

Когда первая рыба была готова и Сян Син протянул её ему, Фу Линцзюнь принял её, а потом тут же сунул обратно сырую вторую:

— Ещё.

Сян Син, образцово трудолюбивый работник, молча снова пошёл к воде. Вернулся, выпотрошил ещё одну рыбу и опять уселся у костра.

Так они жарили одну за другой, пока в руках Фу Линцзюня не собрался целый букет из жареных рыбок.

Пока Сян Син неумолимо работал у костра, он украдкой всё поглядывал на это богатство в руках хозяина и всё время хотел спросить, почему тот говорит, что сам хочет рыбы, но так и не съел ни одной.

Ведь за тысячи лет в земле вечной ночи ни он сам, ни хозяин никогда ничего не ели. Почему же сегодня хозяин вдруг захотел жареную рыбу? Неужели Сяо Бай упомянул, что хочет её, и хозяин решил тоже попробовать? Тогда... может, если они так много нажарили, потом можно будет хоть одну рыбку дать Сяо Баю?

Пока он, пытаясь, жарил одну за другой, туповатая голова всё крутила и крутила эти мысли. Но раз хозяин ничего не сказал, он просто послушно продолжал делать, что велено.

Фу Линцзюнь, великий боец и полная кухонная бездарность, наблюдал, как Сян Син за один заход безупречно приготовил пятнадцать рыб. Наконец он решил, что насмотрелся достаточно и теперь уже может попробовать сам.

Выпотрошить, нанизать на ветку, держать над жаром — не слишком близко и не слишком далеко — и всё время переворачивать.

Отблески огня ложились на его сосредоточенное лицо. В этом живом, тёплом свете человек, похожий на снег и лёд, казалось, сам начал понемногу оттаивать.

После нескольких проб костёр был в конце концов перенесён поближе к гнезду зверька.

Фу Линцзюнь уже довольно уверенно разжигал огонь и жарил рыбу. И как только ветер донёс аромат до самого гнезда, он мягко коснулся носа спящего Цзян Тана.

Розовый носик тут же зашевелился. Следуя одному только инстинкту, Цзян Тан с трудом начал выплывать из сна и, ещё толком не проснувшись, по запаху поплёлся к костру.

Когда он уселся у огня и наконец увидел золотистую жареную рыбу, сон слетел почти сразу. Большие чёрные глазки вцепились в неё намертво, а пушистые лапки без конца топтали сапог Фу Линцзюня:

— У-и-и... Хочу!

Рыба перевернулась у него в руке ещё раз. Поджаренная кожа чуть лопнула, и горячий мясной аромат вместе с соком хлынул прямо в нос Цзян Тану.

Цзян Тан вдыхал этот запах и одновременно пытался понять, что вообще происходит. Та предыдущая рыба-убийца... то есть, кхм, рыба-покушение на бывшего, всё ещё стояла у него перед глазами. Откуда же теперь взялось такое мастерство? Или в прошлый раз Фу Линцзюнь и правда собирался его тихонько извести?

Но Цзян Тан был великодушен. Еду он любил больше, чем обиды, так что все неприятные мысли быстро улетучились. Он приоткрыл рот, высунул кончик розового язычка и, не отрываясь, смотрел на рыбу.

Когда Фу Линцзюнь снял её с огня, подул, чтобы остудить, и протянул вперёд, Цзян Тан, не раздумывая, с визгом бросился на добычу.

Все четыре лапы шлёпнули в пустоту.

Фу Линцзюнь успел поднять рыбу повыше, а потом ткнул вперёд длинным бледным пальцем:

— Поцелуй.

Цзян Тан: «...»

Вот так номер. Чтобы поесть, теперь ещё и телом расплачиваться надо.

Он крайне неохотно уселся на месте и мрачно уставился на Фу Линцзюня своими чёрными глазами.

Фу Линцзюнь молча смотрел на пушистый комочек с минуту, потом всё-таки опустил рыбу на лист и придвинул её к нему.

— Ешь.

Примечание автора:

День третий: изучил технику, как правильно задобрить жену, а вернулся уже с утеплённой зелёной шапкой на голове.

Да-да, помните то проклятие, которое Тан Тан когда-то выдал, хе-хе.

У Сян Сина есть своя линия, просто появится она уже на новой арке, и времени ей будет уделено не так много. Он просто любит тискать мелких зверушек и растит Тан Тана как ребёнка. Никакого треугольника тут не будет.

У Тан Тана и старины Фу всё от начала до конца один на один. Ни о каком третьем лишнем речи не идёт.

Но, честно говоря, если кто-то шипперит Сян Сина с Тан Таном, я ещё могу понять. А вот те, кто шипперят старину Фу с Сян Сином, у меня правда вызывают сплошные вопросительные знаки. Сян Син же для старины Фу как подобранный с улицы туповатый сын! Прекратите немедленно об этом думать!

<http://bllate.org/book/17032/1601809>